

УДК 32.019.51:911.37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/5

«КАРТИРОВАНИЕ» СЛАВЯНСКОГО МИРА КАК ВООБРАЖАЕМЫЙ КОНСТРУКТ

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir19@mail.ru

Авторское резюме

Статья продолжает исследование Славянского мира как политического конструкта. На этот раз объектом изучения становится образ славянства как основа картирования. Методологической базой статьи является субъективистская трактовка миров воображаемого, по Ж. Ле Гоффу и А. Шюцу, а позиция Б. Андерсона относительно карты как образца реального мира позволяет исследовать фантазийный Славянский мир в ярком сочинении начала XVII в. М. Орбини в качестве вполне реального идеологического конструкта. Обращается особое внимание на глаголизм как ключевой концепт работы Орбини, когда «Слава» становится связующим компонентом, на котором выстраиваются история и география Славянского мира.

Ключевые слова: Славянский мир, картирование, воображаемое, конструкт.

“CHARTING” SLAVDOM AS AN IMAGINARY CONSTRUCT

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir19@mail.ru

Abstract

This paper researches Slavdom as a political construct, where the image of Slavdom becomes the basis for charting. The research is based on the subjectivistic perception

of the imaginary realms, according to J. Le Goff and A. Schütz. B. Anderson's idea that the map is a sample of the real world allows researching the imaginary Slavdom in M. Orbini's work of the early 17th century as a quite real ideological construct. This paper emphasises glorialism as Orbini's key concept, where "Glory" becomes the binder for the history and geography of Slavdom.

Keywords: Slavdom, charting, imaginary, construct.

Мир воображаемого можно определить через категорию «представление». По мнению Ле Гоффа, воображаемый образ занимает важную часть «поля» представления. Вообще представление создается в результате абстрагирования «внешней реальности» в ментальный образ. Но воображаемый образ не получается в итоге простой репродукции действительности, а изначально относится к креативной и поэтической по природе образности (Ле Гофф 2001: 5–6). Тем самым сознание работает не только интеллектуально, но и творчески, создавая целые миры воображаемого. Потому мир воображаемого выступает как реальность сознания, как субъективная реальность. Конечно, мышление в таком случае происходит сугубо в символической форме, а общение осуществляется на языке символов. Очень часто мир воображения обретает форму мифа, тогда коммуницирование возможно лишь на специфическом языке мифа. Все вышесказанное относится и к политическим мирам воображаемого, политическим феноменам жизненного мира.

Если в латинской терминологии «воображаемое» обозначает то, чего нет, т. е. своего рода утопию вне пределов бытия, то арабская письменная культура полагает, что мир воображения существует, но по-особому (Корбен). То есть западная традиция делает акцент на интеллектуальных конструкциях, а восточная – на интуитивных.

По нашему мнению, миры воображаемого имеют иной онтологический статус, существуя в индивидуальной или коллективной когнитивной формах. И люди создают целые сферы такого знания, заполненные особыми конструктами, которые невозможно проверить с помощью опыта. Конечно, политика всегда расширяла и расширяет свое бытие за счет миров воображения. Люди просто верят в существование политических фантазий, и фантазирование касается как прошлого, которое становится эталоном, так и будущего, которое кажется уже наступившим. Тем самым установка на воображение часто рассматривается в контексте идеализма, опять же того, чего нет «на самом деле». Объективистская же критическая научная позиция идет дальше и квалифицирует миры политического воображения как обладающие признаками лживости: политическая идеология предстает как «ложное сознание»; политическая пропаганда – как

откровенная и неприкрытая ложь; группа миров политических фантазий в целом – как бессмысленное нагромождение вымыслов. Словом, фантазии противопоставляются «реальности». Но этот подход «извне» не учитывает природу человека, который от древности и до сего дня создает фантастические миры и придает им значение, делающее их не только реальными, но и правдивыми. Даже тоталитарная советская пропаганда имела свою «правду», выраженную, к примеру, в реальности плакатной коммуникации (Вашик, Бабурина 2004: 167). Плакатный универсум на самом деле был полон политических символов, которые имели выраженный смысл, понимаемый в контексте идеологической картины мира и одновременно героической мифологической политической реальности. Данная реальность представлялась более справедливым миром, потому что идеал в коллективных фантазиях уже претворялся в жизнь. То есть мир идеалов оживал и существовал наряду с другими мирами, уступающими ему в справедливости.

Развернутое понятие такого рода когнитивным феноменам дал А. Шюц в работе «О множественных реальностях». Согласно толкованию Шюца, человек не только живет в повседневном мире, но и создает целую группу замкнутых внутри себя миров значений, имеющих субъективное происхождение. Все субъективные миры (феномены жизненного мира) реальны для человека потому, что он сам наделяет их статусом реальности. Речь идет о так называемом субъективном смысле, зависимом от интерпретаций человека, живущего интенциональной жизнью. С точки зрения другой смысловой рамки, данный в восприятии мир обесмысливается. Вот почему смысловые миры открыты лишь для внутренней коммуникации и закрыты для коммуникации внешней, потому каждый мир и представляет собой конечную область значений. Более того, все смысловые аспекты согласованы, по мнению Шюца, в контексте «когнитивного стиля» (Шюц 2004: 424–427). Среди субъективных миров Шюцем выделяется группа родственных между собой миров фантазий, когда характеристика реальности переносится человеком или коллективом на квазиреальные фантазмы. Но особый характер такого рода реальности, далекий от повседневности, не делает ее менее значимой.

Для данной группы миров характерно фантазирующее Я, которое и творит воображаемые образы. Воображение может быть и проективным, касаясь не сугубо рационального жизненного плана, созданного с намерением его реализации. Мир фантазий, напротив, нацелен на моделирование некой абсолютной реальности. Вообще человек или группа людей могут вообразить практически все, что пожелают, т. е. содержание фантазий зависит от фантазирующего. В фантазиях субъект выходит из сферы объективного времени и может

вообразить различные события по своему усмотрению. Конечно, можно вообразить и любую роль, которую будет разыгрывать субъект, а также необходимое ему сотрудничество или коммуникацию (Шюц 2004: 428–434). В целом А. Шюц делает вывод, что фантазии являются «пустыми» конструкциями и квазипереживаниями субъективных реальностей, т. е. не могут быть преобразованы в повседневную жизнь. Однако несовместимость повседневности и символического фантазийного мира легко преодолима в политическом мире, который является феноменом мира жизненного, связанным с повседневностью как раз символически. Политическая реальность интегрирует в себя фантазии вообще и фантазийные проекты и вообразяемые образы в частности. Это значит, что фантазии (лидера или провидца) могут выходить в эту самую политическую реальность. Политическая реальность, конституированная на фантазиях, может управлять и повседневным миром, пример чему подавала советская действительность в частности или революционная ситуация вообще.

Рассмотренная нами исследовательская позиция Ж. Ле Гоффа и А. Шюца может быть отнесена к субъективистской трактовке миров вообразяемого. Здесь воображение предстает как некая творческая способность мышления, и особый упор делается на креативность сознания. Политический мир в результате представляет собой конструкцию сознания. Другой, объективистский акцент при характеристике воображения демонстрируют Б. Андерсон и Э. Дюркгейм. Согласно Андерсону, нация как вообразяемое сообщество объединена псевдорелигией, которой и является национализм (Андерсон 2001). Откуда же берется власть религии как еще одного вообразяемого измерения мира, который объединяет людей? Дюркгейм выделяет основания такого единства: «Это авторитет самого общества, передающийся известным способам мышления, которые являются как бы неперенными условиями всякой совместной деятельности... Это особая разновидность нравственной необходимости, которая для интеллектуальной жизни есть то же, что нравственный долг для воли» (Дюркгейм).

Итак, основы вообразяемого сообщества лежат в изначальных моральных потребностях, с этим согласны и Дюркгейм, и Андерсон. Для оформления такого рода потребности, по мнению Дюркгейма, человек издавна создавал мир веры, которую подкреплял ритуальными действиями. Собственно, современная «националистическая вера» несет в себе изначальную потребность в общих ценностях, как и вера вообще. Тот есть любая вера имеет объективные корни, а не зависит от воли творца мира вообразяемого.

Для нашей научной позиции теоретической основой выступает первый субъективистский подход к воображаемому. С точки зрения данного подхода, мир воображения принципиально сконструирован, его происхождение и конституция зависят от субъекта фантазирования. Это значит, что «фактами» (понимаемыми субъективно и не подверженными верификации), элементами его содержания как нарратива выступают конструкты политического сознания, находящегося в креативной установке. Но это взгляд, так сказать, со стороны того, кто изучает данные миры. С точки же зрения творца мира фантазий (субъекта конституирования смыслоносущей коммуникации), данный мир не носит произвольного и спонтанного характера. Напротив, он обладает особой ценностной основой, в качестве которой выступает потребность иметь данный мир цельным. То есть мир политических фантазий предстает для фантазирующего субъекта реальным и неизменным. К такого рода мирам относится и Славянский мир, возобновляющийся и обновляющийся в фантазиях некоторых авторов различных эпох. Вот почему содержание их нарративов, с одной стороны, возвращается в прошлое, а с другой – актуализируется в различные исторические эпохи, чтобы подтвердить наличие основных ценностей. Для них Славянский мир онтологичен, т. е. он имеет свое особое бытие, и потому этот мир постоянно «возвращается» к нам, если использовать метафору М. Элиаде о «вечном возвращении».

С нашей же точки зрения, конструкция Славянского мира выступает особым политическим макрокосмом (подмена микрокосма на макрокосм происходит в акте репрезентации), где «реальное» представляет ментальное. «При всем многообразии трактовок слова «ментальность» ближе всего, вероятно, к глобальному видению сути явления будет дефиниция «мирочувствие» (А.Ф. Лосев) или «мировидение» (А.Я. Гуревич)» (Щербинин, Щербина 1996: 6). Уже сами эти определения ментального подчеркивают его конструктивистский потенциал, определяющий в данном случае особый взгляд на мир славянства.

«Картирование» в нашем случае – это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. Ментальная карта мира воображения является и путеводителем по одному из феноменов мира политики. Дело в том, что мир политики по своей природе относится более к символической реальности, которая имеет или должна иметь референции в объективном мире политических институтов. Но существуют и «анклавные» политические

миры воображаемого, как мы уже писали, полностью зависящие от воли своего творца. Подобные миры можно объективировать только в символических продуктах, такими символическими продуктами и выступают картографические описания. «Картирование» любого мира имеет непосредственное отношение к миру воображаемого. Здесь можно сослаться на характеристику Д. Вуда. Карта, по Вуду, всегда показывает реальность, которую можно постичь только с помощью карты. К такой реальности относится невидимое простым глазом или недостижимое в настоящем (Орлова 2009: 81). То есть карта создает именно «картированную реальность», а картирование, в свою очередь, представляет собой один из способов конструирования исследуемой нами реальности под названием Славянский мир.

В таком случае символическим языком Славянского мира выступает картографический дискурс. А продуцируемое знание о Славянском мире обретает некую «картографическую рамку», т. е. помещается в географические пределы, выбранные автором конструкта. Данные знания (зафиксированная в письменном источнике авторская память) имеют особую конституцию, выражающую некий смысловой порядок Славянского мира, как его понимает автор. Потому Славянский мир является «текстом», который не имеет отношения к «строгой» науке, он построен на легендарных моделях и мифологических образцах. Данный прочитанный текст, как любое произведение такого рода, создает ментальный образ Славянского мира. Ментальный образный конструкт претендует на структуру стереотипа, простого и эмоционально окрашенного образа. Ядро образа, рассчитанное на эмоциональный отклик и потому закрепленное в памяти, составляет манифестируемая «славянская ценность» – слава, квинтэссенция Славянского мира.

Воспользуемся текстом первого перевода книги на русский язык 1722 г., сделанного сербом Савой Владиславичем, чтобы показать степень «концентрации» глоризма: «Никакоже удивительно есть, что слава народа славянского ныне не так ясна, как оной довлело расславиться по Вселенной» (Орбини 2015: 4). Окаймления образуют яркие и положительные характеристики славянских народов, описание и перечень которых будут даны в конкретной части статьи. Согласно мифологической традиции создания нарратива, Славянский мир имеет и своих легендарных предков и героев, что делает его равноправным текстом среди других посланий о сущности народов. Карта же расселения и походов славян придает героям образ первопредков всей европейской цивилизации. Тем самым главными героями текста становятся славяне, это уже мифологизация народа. Распространенная метафора «карты памяти», или «ментальной

карты» в нашем конструктивистском исследовании приобретает совершенно другое значение – не исторической реконструкции, но политической деконструкции. В конкретных письменных нарративах в пространство политической коммуникации выносятся смыслонесущий образ славных предков любого современного славянского мира. И, наконец, очень интересен, на наш взгляд, прием «визуализации» (а карта всегда создает визуальное представление), что создает наглядный образ политического послания.

Обратим внимание на то, что первоначально карты конструировались по рассказам и книгам, где та или иная страна, племя или народ на первых порах обретали образ, наделялись характеристиками, привязывались к месту (и времени) и только затем, иногда спустя века, помещались на *Mappae mundi*. В этом плане не теряет актуальности исследование античных карт с обстоятельным изложением источников по их формированию, проведенное в конце XIX в. немецким исследователем Конрадом Миллером (Miller 1898). Поэтому *воображаемое* изначально предшествовало и долгие годы сопутствовало картированию. Обращаясь к «картографическому» аспекту воображаемых сообществ, который рассматривает Б. Андерсон, мы можем выделить следующие моменты, значимые для нашего исследования:

- индустриальное (индустриализирующееся) общество навязывает свои стандарты, в числе которых «горизонтальное» (от себя добавим – политическое) видение мира, вытесняющее «вертикальное», космическое, веками соединявшее в единой его картине мифическое и повседневное;

- «картографический дискурс» становится в первую очередь политическим, не менее важным, чем «печатный капитализм» медиа, если воспользоваться терминологией того же Андерсона;

- при этом «горизонтальный» мир, пришедший на смену космической картине, не исключает соединения в нем видимых и невидимых (воображаемых) сообществ;

- сама же карта рассматривается Андерсоном не как на модель реального мира, а скорее как образец.

На наш взгляд, картографическая практика модерна не только «упаковала» мир в координатную сетку, но, что более важно, раскрасила его в национальные (в данном случае производное от нации-государства) цвета, тем самым навязав единственно «верное» прочтение важнейшего политического символа, существующего на пересечении осей «здесь» и «теперь». Динамика политического пространства могла оставаться только в воображении, даже на «исторических картах», призванных рассказывать о прошлом, реконструировалась история наций (династий или режимов) победителей.

Естественно, что подобный образец миропорядка постоянно подвергается критике словом и символом, а нередко и действиями со стороны суверенных держав по поводу так называемых спорных территорий. Что же касается картографически дискриминируемых этносов, то их мир воображаемого символически и структурно более объемён, доходя до архаического космизма.

В подтверждение этой мысли мы и обращаемся к одному из такого рода конструктов. В начале XVII в. в Италии вышло «Славянское царство» Мавро Орбини – человека увлеченного, не только использовавшего максимально доступное количество источников по славянской тематике, но и применявшего методы хронологической последовательности в реконструкции славянских династий и даже сравнительной лингвистики (при доказательстве происхождения славян от вандалов). В нашем случае более существенной является его попытка не просто показать географию происхождения, компактного расселения, сражений славянских племен в Евразии, но и сформировать совокупный образ славянства, его укорененность в европейской истории на правах одного из важнейших компонентов этногенеза. Мотивация автора очевидна. В самом начале «Славянского царства» он пишет: «Следуя чувству долга, который испытываю к своему славянскому племени... собрал вместе разрозненные упоминания о нем у различных авторов, дабы всякий мог легко убедиться в том, каким славным и знаменитым всегда было это племя» (Орбини 2010: 16). Вслед за задачей Орбини достаточно скоро после начала своей книги сформулировал методы: «Мне, взявшемуся дать краткое описание происхождения и свершений славянского племени, придется полагаться в таком малоизвестном деле в большей степени на мнение других, чем на свое собственное, поскольку, как я полагаю, нелегко будет мне, человеку простому и неученому, открыть то, что осталось скрыто от самых пытливых исследователей истины» (Орбини 2010: 32 – 33). Итак, задача заключалась в том, чтобы собрать максимальное количество упоминаний о славянах и на этой основе определить их роль в истории Европы и мира.

Подобно многим христианским авторам он, в частности, за Августином Блаженным не просто определяет славянское племя как потомков библейского Иафета, но создает судьбоносный образ славянства, переводя, во-первых, имя Иафет как «расширение», а во-вторых, соотнося завет Ноя сыну Иафету «властвуй и защищай как царь, и занимайся военным ремеслом как воин» фактически с совокупным именем «славяне». По Орбини, они еще во время своего жительства в Сарматии взяли себе это особое имя «славяне», что значит «славные» (Орбини 2010: 36). В работе «Славянский мир как

политический конструкт» нами отмечалось, что «Славянский мир» генетически и феноменально конструируется в языке и как язык коммуникации. И данная коммуникация может в некоторые периоды приобретать политический характер. Дело в том, что семиотический политический опыт включает в себя и опыт переживания славянской общности. Здесь «опыт» понимается феноменологически, и речь идет именно о содержаниях сознания, феноменах. Другими словами, мир славян сконструирован лишь в языке и содержит факты-конструкты, не поддающиеся верификации. Это иллюзорный мир, фантазм, иная реальность. Но от этого данный мир не менее реален» (Щербинин, Щербинина 2015: 42).

Орбини принимает во внимание и концепт «слово» - как в его коммуникативной трактовке общего для славян языка, так и в характерной их черте «держат слово», что придает морально-ценностный аспект характеристике славян. И все же главной характеристикой этнонима является ценностно-смысловая: «исполненное гордости от столь частых триумфов над врагами, чему свидетельством является огромное число завоеванных царств и стран, это предоблестное племя присвоило себе имя славы... Это признают многие авторитетные авторы... что славяне получили свое имя от "Славы", в которой хотели превзойти все другие народы» (Орбини 2010: 115–116).

Отметим, что автор не ставил своей задачей найти исходный корень «славы» в «слове», но этимологические изыскания М. Орбини в известной степени делают цельным его произведение. К примеру, мы можем соотнести исходную трактовку имени Иафет как «расширение» с его описанием русских, или московитов. Выводя их историю от роксоланов, он писал: «"Русские" (Russi), то есть "рассеянные", поскольку по-русски, или по-славянски, "Россея" (Rosseia) означает не что иное, как "рассеяние". И не без причины они были названы русскими, или рассеянными: славяне, заняв всю Европейскую и часть Азиатской Сарматии, распространили, или рассеяли, свои колонии от Ледовитого океана до Средиземного моря и Адриатического залива, от Большого моря до Балтийского океана... Греки (по свидетельству Прокопия Кесарийского) называли их спорами, то есть "рассеянным народом". Они всегда жили в Европейской Сарматии, где и по сей день живут, значительно распространив силой оружия свое господство» (Орбини 2010: 109).

Землей, из которой вышли славяне, по Орбини, была Скандинавия, названная им вслед за Иорданом «чревом племен». Действительно, Иордан при характеристике «Скандзы» сначала использовал метафору «мастерской, производящей племена», но сразу уточнил свою механическую метафору, употребив понятие «утроба, порождающая

племена». «Скандинавская версия» вполне устраивала Орбини, поскольку по причине перенаселенности блаженной Скандинавии «потомки Иафета» двинулись на юг, покорив Европейскую Сарматия, занимавшую территорию от Меотидского озера (Азовское море) и Тана (Танаис / Азов) на востоке, реки Вислы на западе, Сарматского океана (Балтийское море) на севере и Карпатских гор на юге.

Автора не смущает известное различие славян и готов, он считает их одним племенем. И дальнейшие метаморфозы предсказать нетрудно. Славяне разделились на многие колена. Вот максимально полный перечень у Орбини, ссылающегося на Яна Дубравия, который в «Истории Богемии» писал: «Звались они венеда, славяне, анты, верлы, или герулы, аланы, или массагеты, гирры, скирры, сирбы, эминхлены, даки, шведы, фены, или финны, пруссы, вандалы, бургундионы, готы, остроготы, визиготы, геты, гепиды, маркоманы, квады, авары, певкины, бастарны, роксоланы, или русские и московиты, поляки, чехи, силезцы и болгары. Все эти народы были одного славянского племени, которое и сегодня (здесь Орбини ссылается на Давида Хитреуса, Павла Иовия, Георга Вернера и Лаврентия Сурия) больше всех остальных, поскольку славянами по племени и языку являются не только те, кто живет в Далмации, Иллирии, Истрии и Карпатах, но и многие другие величайшие и могущественнейшие народы: болгары, расы, или рашане, сербы, боснийцы, хорваты, пятигорцы, то есть живущие у пяти гор, русские, подолии, полины, московиты и черкассы, а также поморяне и те, кто живет у Венедского залива вплоть до реки Эльбы, остатки которых и сегодня германцы называют славянами, или вендами, или виндами; и, наконец, это лужичане, кашубы, моравы, поляки, литовцы, силезцы и чехи. Короче говоря, славянский язык слышен от Каспийского моря до Саксонии, от Адриатического моря до Германского, и во всех этих пределах живет славянское племя» (Орбини 2010: 34).

Итак, пространное цитирование показывает нам, что, по Орбини, ареал обитания славян на начало написания «Славянского царства» охватывает не только Восточную Европу, но и часть Западной. Что касается неславянских племен, включенных в этот список, то это мало смущает автора книги – в принципе он следовал сохранявшейся долгие столетия античной традиции сведения «модификаций» к известным на тот момент основаниям. Более того, список этот, как показывает труд Орбини, далеко не полный. Однако наша задача вовсе не заключается в верификации этнонимов на предмет отношения к славянству, а лишь в том, чтобы показать, как формировался образ Славянского мира, реконструируемого в том числе и за счет фантазии – не важно, собственной или заимствованной.

В качестве главных черт обитателей Сарматии, вслед за их перечислением, автор называет отвагу, воинственность и уже этимологически и лингвистически обоснованную М. Орбини вечную жажду славы. А это значит, что пределы Славянского царства со всей очевидностью будут тесными его народам. Поэтому образ Славянского мира географически был бы неполным без походов, битв, захваченных территорий. Не имея возможности в деталях показать все подробности, по Орбини, попытаемся наметить пределы, которые географически показывают «славянский след» на Евразийском континенте. В силу того, что источники, которыми пользовался автор, воспринимают и подают фантазийный компонент как равноправный источник реальности, то и славяне могли появиться в качестве самого экзотического компонента различных «национальных» историй. К примеру, славяне, «снарядив мощный флот в Венедском море, напали на Англию и, будучи высокого роста, были сочтены за великанов... Все историки, писавшие об истории Британии, сходились во мнении о том, что Брут, назвавший Британию, прежде именовавшуюся Альбионом, по собственному имени, изгнал с этого острова великанов, именовавшихся славянами» (Орбини 2010: 37). Изгнанники на кораблях приплыли в устье Мааса и там основали мощную крепость Славенбург (Орбини 2010: 37).

Обратим внимание на то, что Орбини, вслед за некоторыми предшественниками, привязывает процесс расселения славян к бывшей в ходу традиции облагораживания варварских государств за счет дописывания античных легендарных историй. В этом плане в большем ходу была «троянская» тематика, когда спасшиеся после падения великого города самым чудесным образом оказывались далеко за пределами «гомеровского мира». Энею приписывалось основание Рима, троянцы, по легенде, доплыли до берегов Галлии, а упомянутого выше «британского Брута» считали внуком Энея. Таким образом, ветхозаветная история сынов Ноя и ветви Иафета, в частности, подкреплялась параллельной мифологией. И хотя славяне – тогда еще бесписьменный народ – не получили своей доли античной мифологии за счет собственного героя (это придет позже, с аскрипцией Ахилла и мирмидонцев к славянскому миру), они оказались встроенными в эту мифологическую картину основания европейского мира.

Здесь возникает вопрос: так ли уж нуждаются мифологические истории в верификации, или, напротив, они необходимы, чтобы вернуть «горизонтальному» миру его космический характер (Андерсон 2001)? Скорее всего, второе. Без сакрального начала, без фантазий и загадок географические образы превратятся в функциональные знаки карты. Напротив, креационные мифы собирают воедино бо-

жественное и земное начала. В той же истории основания Британии легендарный Брут – четвертое колено потомков Афродиты. Город, который ему предстоит основать, станет новой Троей – Troia nova, Trinovantum – предшественником Лондона. Если вспомнить изгнание великанов-славян, то именно тогда троянцам пришлось сразиться с великаном Гремаготом, впоследствии ставшим в образном сознании британцев ветхозаветными близнецами Гогом и Магогом. Питер Акرويد, касаясь этой легенды, датирует время окончания скитаний потомков троянцев 1 100 г. до н. э. и соотносит его с археологическими памятниками бронзового века – периодом поселения в этих местах новых племен, строивших большие укрепления, ведших героическую жизнь, полную сражений и пиров (Акرويد 2005: 38–39).

Таким образом, сознание не терпит недостроенности картины мира, создавая из наличных знаний и фантазий его заверченный образ (Щербинин, Щербинина 1996: 6). Орбини не слишком акцентирует внимание читателя на британском аспекте, он круто разворачивает повествование на юго-восток и уже детально рассматривает еще одну легендарную историю о том, как славяне, оставшиеся в Сарматии, успешно воевали с Александром Великим (Орбини 2010: 38–39).

Итак, самый дальний северо-западный (Британия) и самый дальний юго-восточный (Сарматия) пределы Славянского мира символически помечены знаковыми фигурами легендарного Брута и Александра Македонского. И с тем, и с другим славяне достойно сражались. Северо-восток, как уже отмечалось нами ранее, это легендарное обиталище славян на Новой Земле и вполне реальная Югра. Остается определить крайнюю юго-западную точку. И здесь начинаются проблемы, поскольку без вымысла автору обойтись не удалось. Имея целью показать «славу славян», Орбини не просто синтезировал высказывания своих предшественников, но и сознательно акцентировал внимание на том, что славяне являются наследниками готов, вандалов, аваров и прочих народов, волнами прокатившихся по Европе. Когда более-менее установленный ареал расселения славян подправляется такого рода обобщениями, карта Славянского мира обретает еще более фантастический вид: «Ни один из народов Германии не был так велик, как вандалы, которые в Азии, Африке и Европе распространили свои колонии на огромном пространстве. В Европе они обосновались на всем протяжении от севера до юга, от Германского моря до Средиземного. Поэтому московиты, русские, поляки, чехи (Boemi), черкасы, далматы, истрийцы, боснийцы, хорваты, болгары, рашане (Rassiani) и многие другие народы, хотя и различаются по своим особым названиям, тем не менее являются вандалами» (Орбини 2010: 119).

В подтверждение своей версии Орбини приводит даже сравнительный вандальско-славянско-русский словарь. Итак, крайняя юго-западная точка Славянского мира выглядит следующим образом: вандалы, сначала вторгнувшиеся в земли франков, под ударами везиготов «спустились с Пиренеев в Испанию и, овладев ею, по имени своего племени назвали ее Вандалузией, или, без первой буквы, Андалузией... Затем, приглашенные в Африку за огромное вознаграждение, они пересекли Гибралтарский пролив». Руководимые королем Гейзерихом, они захватили Карфаген. Подчеркивая символическое значение данного факта, Орбини пишет: «До той поры в течение 535 лет он был под властью римлян, а теперь перешел под власть славян» (Орбини 2010: 147). Чтобы была понятна замкнутость Славянского мира, сошлемся на дальнейший путь Гейзериха, по Орбини: захват Сицилии, Сардинии, Корсики, затем поход в Британию и Шотландию. Отдельным направлением и местом на карте Европы было бургундское, бургундов Орбини также рассматривает как вандалов, называя Вислу рекою Вандал. Опуская описание расселения готов (по Орбини, также славян) как типичное, сошлемся на его сентенцию: «Вот и выходит, что итальянцы, всегда называвшие готов и другие славянские народы варварами, сами являются не чем иным, как остатками варваров, то есть готов, вандалов, верлов и других славян» (Орбини 2010: 144).

Особенностью мира воображаемого, как показывает текст «Славянского царства», является не только «искривление» пространства за счет авторского смешения племенных напластований, но и времени. Приравнивая скифов к готам, а когда потребовалось, и готов к гетам, Орбини пишет: «Те же готы, что двинулись на запад, разорив Грецию, переместились в Азию и пришли на помощь троянцам. Царями их, как пишет Дион Грек, были Еврипил и Телеф, убивший Ферсандра (Casandra) и лишенный доспехов Ахиллом. Позднее, при Августе Цезаре, весьма прославился царь гетов Беробиста (Verobista)» (Орбини 2010: 139). Орбини не смущает непосредственное соседство двух отдаленных эпох, история автору нужна для знаковых имен и символических событий, чтобы показать судьбоносность славян (точнее, тех, кого он выводил под их именем) в мировой истории. Так, поражение Рима от остготов он подытоживает следующим образом: «За два года Рим лишился двенадцати императоров, большая часть которых погибла насильственной смертью, причем ни один другой народ не нанес ему больший урон, чем славяне. После падения Римской империи в Италии они стали первым из иноземных народов, кто овладел ей, забрав себе всю римскую славу. Если Кир прославился покорением халдеев, а Александр Великий – подчинением себе Персидского царства; если римлян столь превозносили за уничтожение греческой

монархии – тем большего восхваления и славы заслуживают славяне за то, что положили конец римской гордости» (Орбини 2010: 140).

В горизонтальном мире модерна все бы ограничилось передвижением границ и перекраской на карте захваченных территорий, в то время как для географического фантазийного универсума логично, что в мире войн победитель забирает славу побежденного: вандалы – славу Карфагена, готы (и вандалы) – Рима. Они становятся вровень и даже превосходят своих великих предшественников, перекроивших мир. Это не простая констатация того, например, что несколько раз готы «овладевали Испанией, три или четыре раза захватывали Галлию, два раза Паннонию, три – Мезию, семь раз – Фракию и, наконец, завладели всем Востоком... удавалось ли это когда-либо Александру Великому, Киру или же Ганнибалу?» (Орбини 2010: 144). К этому же разряду относятся противостояние с Венецианской республикой, длившееся 170 лет, когда Венеция платила дань славянам; успешные сражения с Карлом Великим, его сыном и внуком, императорами Священной Римской империи германской нации; императорами Византии и т. п. Слава не может быть мелкой или локальной – разбитые войсками славян противники исчисляются даже не тысячами, а десятками тысяч.

Таким образом, если воспользоваться метафорой синтаксиса, обстоятельства места и времени в географическом дискурсе Орбини являлись «второстепенными членами». Главным членом на протяжении всего произведения, как и было продекларировано автором, оставалась «Слава». Причем именно «Слава» с заглавной буквы. Глориализм «Славянского царства» конструировал на просторах Европы, современной Орбини, и сопредельных ей частей света динамический мир триумфального шествия славян, показывая право их потомков на исторически оправданное место в истории мировой цивилизации. Не случайно экземпляр книги, подаренный сербским дипломатом Петру Великому, пришелся ко двору в буквальном и переносном смысле. России было недостаточно статуса ученика Европы, нужны были и другие, политические «якоря», за которые новое государство могло бы зацепиться в семье европейских народов. Примечательно, что книга была переведена на русский язык и напечатана с предисловием Феофана Прокоповича – одного из ведущих идеологов петровской империи. Воображаемые миры являются непреложными спутниками идеологий, конструкты прошлого и грядущего, открытие потаенных источников и реконструируемых событий – непреложный ресурс политики во все времена. Поэтому обращение к такому яркому произведению в истории изучения славянского мира, каким является труд М. Орбини, не утрачивает своей актуальности и сегодня,

когда «славянский вопрос» напрямую или как компонент продолжает оставаться в центре внутри- и межгосударственных отношений, и, что более важно, когда Европа, Азия и Африка вновь стали ареной далеко не мирного перемещения народов. Что касается «славы», то адресации к ней как базовому концепту продолжают всерьез беспокоить участников мирового политического процесса. Достаточно обратиться к речи президента США на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2016 г. Уходящий со своего поста Барак Обама рисует свою картину/карту мира, место в нем США и их отношение к актуальным процессам и ключевым игрокам. В связи с Россией и в контексте проблем, которые предстоит решить мировому сообществу, он заявил, что эпоха империй в мире закончилась, но Россия пытается вернуть былую славу силой (*Address by President Obama*). Так фактически резюмирует свои предшествующие антироссийские заявления в данной речи американский президент, создавая впечатление, что на карте мира есть империя, пытающаяся вернуть былую славу. В нашем случае более важно то, что слава по-прежнему остается инструментом ценностно-смыслового конструирования карты мира, соответственно, нуждается в исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Акройд 2005 - *Акройд П.* Лондон. Биография. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 896 с.

Андерсон 2001 - *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Вашик, Бабурина 2004 - *Вашик К., Бабурина Н.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.

Дюркгейм - *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460701> (дата обращения: 23.10.2016).

Корбен - *Корбен А.* Мир Воображения. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya> (дата обращения: 21.06.2016).

Ле Гофф 2001 - *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.

Орбини 2010 - *Орбини М.* Славянское царство. 2-е изд. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 576 с.

Орбини 2015 - *Орбини М.* Царство славян. Факты великой истории. М.: Вече, 2015. 384 с.

Орлова 2009 - *Орлова Г.* «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости

при социализме. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 57–104.

Шюц 2004 - Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.

Щербинин, Щербинина 1996 - Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск: Водолей, 1996. 256 с.

Щербинин, Щербинина 2015 - Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52.

Miller 1898 - Miller K. Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. VI. Rekonstruierte Karten. Stuttgart: Jos. Roth'sche Verlagshandlung, 1898. 154 s.

Address by President Obama - Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/20/address-president-obama-71st-session-uni-ted-nations-general-assembly> (дата обращения: 25.09.2016).

REFERENCES

Akroyd, P. (2005) *London. Biografiya* [London. The Biography]. Translated from English by V. Babkov, L. Motylev. Moscow: Ol'ga Morozova.

Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob isto-kakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev, S. Bankovskaya. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole.

Vashik, K. & Baburina, N. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [Reality of Utopia. Russian poster art of the 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Durkheim, E. (1998) *Elementarnye formy religioznoy zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life. The Totemic System in Australia]. Translated from French by A.B. Gofman. [Online] Available from: <http://www.studfiles.ru/preview/460701> (Accessed: 23rd October 2016).

Corbin, A. (2013) *Mir Voobrazheniya* [The World of Imagination]. Translated from French by A. Arapov, A. Dontsova. [Online] Available from: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya> (Accessed: 21st June 2016).

Le Goff, J. (2001) *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The Medieval Imagination]. Translated from French by E. Morozova. Moscow: Progress.

Orbini, M. (2010) *Slavyanskoe tsarstvo* [The Realm of the Slavs]. Translated from Italian by Yu. Kupikov. 2nd ed. Moscow: OLMA Media Grupp.

Orbini, M. (2015) *Tsarstvo slavyan. Fakty velikoy istorii* [The Realm of the Slavs. Facts of the Great History]. Translated from Italian by N. Muraviev. Moscow: Veche.

Orlova, G. (2009) "Karty dlya slepykh": politika i politizatsiya zreniya v stal-inskuyu epokhu ["Maps for the Blind": Politics and Politicisation of the Stalin Era]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, R. (eds) *Vizual'naya antropologiya*:

rezhimy vidimosti pri sotsializme [Visual Anthropology: Regimes of Visibility under Socialism]. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 57-104.

Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works. The World Glowing with The Sense]. Translated from German by V. Nikolaev, S. Romashko. Moscow: ROSSPEN. pp. 401-455.

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (1996) *Politicheskiy mir Rossii* [The political world of Russia]. Tomsk: Vodoley.

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 4 (42). pp. 37-52 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/4

Miller, K. (1898) *Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. VI. Rekonstruierte Karten* [Mappae mundi. The oldest world maps. VI. Reconstructed maps]. Stuttgart: Jos. Roth'sche Verlagshandlung.

Obama, B. (2016) *Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly*. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/20/address-president-obama-71st-session-uni-ted-nations-general-assembly> (Accessed: 25th September 2016).

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinin Aleksey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Нина Гаррьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinina Nina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mail.ru